

Максим Медоваров: Сущность «катковизма»

*Maxim Medovarov (Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia):
On the Essence of Katkovism*

DOI: 10.31857/S086956870001567-1

Вышедшая в свет третья монография А.Э. Котова и его докторская диссертация (содержащая, между прочим, обширный историографический и источниковедческий раздел, не вошедший в книгу⁹) дают повод и обильную пищу

⁹ *Котов А.Э.* Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М.Н. Катков и его окружение. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2016. С. 8–20.

для размышлений о корнях и сущности русского консерватизма второй половины XIX в. По-видимому, автору было непросто точно определить предмет своего исследования и очертить его границы. Существовал ли «катковизм» за пределами редакций «Русского вестника» и «Московских ведомостей»? Пережил ли он смерть Каткова в 1887 г.? Насколько самостоятельны и оригинальны были те исторические деятели, которых современники воспринимали как «катковистов»? Наконец, возможно ли подыскать максимально ёмкое, научно корректное и содержательное обозначение тем взглядам, которые проповедовали «Московские ведомости» и близкие к ним издания? Котов отвергает такие характеристики, как «либеральный консерватизм», «государственный национализм», «гражданский» или «политический» национализм, предпочитая им неоднозначный термин «бюрократический национализм», который на этот раз вынесен на обложку книги.

Полемическая заострённость в использовании терминов — отличительная черта данной монографии. Уже на первых страницах автор заявляет, что русский консерватизм второй половины XIX в. правильнее называть национализмом, поскольку фактически в нём присутствовали элементы либеральной или демократической идеологии (с. 9). К тому же, Катков, почвенники, поздние славянофилы в молодости резко критиковали режим Николая I, а позднее развивали проекты «нефеодальной» монархии. Как пишет Котов, «отечественные “охранители” 1860—1890-х годов пытались предложить не возвращение к старым порядкам, но сразу несколько вариантов модернизации российской самодержавной государственности» (с. 40). Однако не только кн. В.П. Мещерский или К.Н. Леонтьев, но и М.Н. Катков и А.А. Киреев в 1880-е гг. не раз одобрительно отзывались о николаевских порядках. Всё же время либерального национализма в России наступило только на рубеже XIX—XX вв., а во второй половине XIX в. националисты, как правило, оставались ещё консерваторами, пусть и не всегда последовательными. «Птенцы гнезда Каткова», как и он сам, почти всегда переходили от либеральных увлечений молодости именно к консерватизму в той или иной его разновидности. Даже самый либеральный из поздних славянофилов — О.Ф. Миллер уже не смог в полной мере стать «своим» для либералов. «Стремление славянофилов к сохранению национальных форм объективно ставило их в ряды консерваторов, — признаёт Котов. — Наконец, не следует забывать о религиозной составляющей славянофильства» (с. 23). И это вполне согласуется с давним тезисом В.А. Китаева об ошибочности «бездоказательной либерализации славянофилов»¹⁰. То же самое можно сказать и о Каткове после середины 1860-х гг.

Классификация течений русской консервативной мысли второй половины XIX в. всё ещё нуждается в разработке. Если А.С. Карцов делил консерваторов на три группы в зависимости от того, отдавали ли они приоритет православию, самодержавию или народности¹¹, то Котов обращает внимание на то, с какой социальной группой те или иные русские консерваторы связывали будущее пореформенной России. Для славянофилов это изначально были крестьяне и патриархальные помещики, для почвенников — купцы и мещане, для Р.А. Фадеева и кн. Мещерского — дворянство, для Каткова — бюрократия, для «нового консерватизма» Л.А. Тихомирова — рабочие. На этом основании Котов и относит «Московские ведомости» к «бюрократическому национализму». При этом он оговаривается, что в принципе это был всё тот же политический или государственный национализм. Однако поскольку с конца 1860-х гг. все надежды на воплощение своей программы Катков возлагал исключительно на

¹⁰ Китаев В.А. Славянофильство и либерализм // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 133—143; Китаев В.А. XIX век... С. 341.

¹¹ Карцов А.С. Русский консерватизм как интеллектуальная традиция // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. СПб., 2002. С. 55.

государственный аппарат и «не мог не превратиться из борца с бюрократией в апостола последней» (с. 55–56, 85, 88, 90), термин «бюрократический национализм» представляется автору монографии более удачным¹².

В итоге палитру русского консерватизма второй половины XIX в. Котов видит в следующих тонах: либеральный консерватизм поздних славянофилов и Н.П. Гилярова-Платонова, бюрократический национализм М.Н. Каткова, дворянский консерватизм Р.А. Фадеева и кн. В.П. Мещерского, церковный традиционализм Т.И. Филиппова и Н.Н. Дурново, консервативный романтизм К.Н. Леонтьева и возникший в 1890-е гг. «неоконсерватизм» Л.А. Тихомирова и В.В. Розанова¹³. Кн. Э.Э. Ухтомского автор называет «сторонником “имперского” или, говоря современным языком, “евразийского” консерватизма» (с. 462), что, наряду с выделением «неоконсерваторов», создаёт большую терминологическую путаницу. Кроме того, если Леонтьев оказывается в полном одиночестве, то целесообразно ли отделять его от дворянского консерватизма и рассматривать как особое «направление»? А если вспомнить про его учеников – А.А. Александрова, В.А. Грингмута, Ю.С. Карцова и тем более Л.А. Тихомирова, о которых бегло говорится в конце книги (с. 464–473), то изоляция Леонтьева в клетке «консервативного романтизма» станет и вовсе проблематичной. С другой стороны, где в этой классификации место К.П. Победоносцева, олицетворявшего целую программу развития Церкви, во многом расхоронившуюся с идеями как славянофилов, так и Леонтьева, Филиппова и Дурново? Ведь осуществлять её предполагалось, не опираясь на поддержку чиновников, помещиков, крестьян или горожан, а используя неформальные каналы личных влияний в обход существовавших церковных, государственных и общественных структур. На таком фоне, конечно, разобраться в сущности «бюрократического национализма» сторонников Каткова особенно важно.

В главе «Случайный орган государственной деятельности» (с. 41–90) Котов пронизательно размышляет об уникальной роли, которую Катков как независимый журналист играл в политике, показывает приверженность публициста идеалу однородного национального государства, подобного Франции и Германии, и скептическую оценку турецкого образца (с. 63–65), подробно освещает его представления об отношениях государства и Церкви (с. 59–61), о еврейском вопросе и США. При этом автор, как правило, воспроизводит уже сказанное им в одноимённой главе в монографии «Птенцы гнезда Каткова»¹⁴, исключив, правда, сюжеты, связанные со статьями Каткова о военном флоте, и добавив обширный фрагмент о передовицах «Московских ведомостей», посвящённых украинофилам (с. 66–82).

Основной текст монографии Котова, помимо вводных теоретических разделов, состоит из глав-очерков об отдельных сотрудниках катковских изданий и идейно близких им газет и журналов. К четырём историческим портретам, уже публиковавшимся в книге «Птенцы гнезда Каткова», добавлены ещё шесть, объём и содержание которых существенно различаются и лишены какого-либо единообразия. К сожалению, среди них так и не оказалось главы о П.М. Леонтьеве, который, похоже, остаётся для автора малоинтересным *alter ego* Каткова. Однако вряд ли это оправданно: его роль в истории русского консерватизма была, во всяком случае, не менее значительна, чем у героев монографии.

Разумеется, первым среди «птенцов» по праву представлен Н.А. Любимов. Выходец из низов (его родители неизвестны), уже в молодости ставший про-

¹² А.А. Тесля, напротив, полагает, что социальной опорой катковского проекта в 1860-е гг. являлась буржуазия, а в 1880-е гг. происходило сближение националистических программ Каткова и Аксакова (*Тесля А.А. Первый русский национализм... и другие. М., 2014. С. 37–38, 51*).

¹³ Более детально эта классификация изложена в монографии: *Котов А.Э. Русская консервативная журналистика... С. 55–113*.

¹⁴ *Котов А.Э. Птенцы гнезда Каткова. С. 6–38*.

фессором Московского университета, незаурядный популяризатор физики, он прославился прежде всего своими проектами реформы университетского образования. Описание полемики Любимова с либеральными оппонентами в годы его борьбы за переизбрание в университете (с. 95–127) – пожалуй, наиболее живые и занимательные страницы книги, демонстрирующие независимый ум «труженика контрреформ», указавшего на «болевые точки» устава 1863 г. и заложившего основу устава 1884 г. Не упущена из виду и конструктивная критика любимовского проекта О.М. Бодянским и Н.П. Гиляровым-Платоновым. В «Царский путь» Михаила Каткова» Котов включил отсутствовавший в книге «Птенцы гнезда Каткова» фрагмент о «главном публицистическом произведении» Любимова – диалогах «Против течения», написанных «под влиянием А. де Токвиля и И. Тэна» и предлагавших читателям посмотреть «осторожным взглядом естествоиспытателя» на события, происходившие во Франции в конце XVIII в. Эти «беседы о революции», или «наброски и очерки в разговорах двух приятелей» (как сам Любимов определил их жанр), публиковались в 1880–1882 гг. в «Русском вестнике» под псевдонимом «Варфоломей Кочнев». В них говорилось об опасности представительных учреждений для правительства и утверждалось, что «наблюдение явлений, на наших глазах происходивших и происходящих, может во многом служить к лучшему пониманию событий во Франции 1789 г.». При этом основная угроза, по мнению автора, исходила от политической элиты: «Вопрос, быть или не быть революции, был утвердительно решён на собрании нотаблей». А поскольку известно, что Александр III читал катковские издания, подобные рассуждения и предостережения могли повлиять на его отношение к предложениям гр. М.Т. Лорис-Меликова и гр. Н.П. Игнатъева (с. 127–132). К сожалению, о деятельности Любимова после 1887 г. автор пишет предельно кратко (с. 133–134).

Большой заслугой Котова является первое в историографии исследование творчества Н.В. Щербаня – постоянного корреспондента «Русского вестника» и «Голоса», долгие годы проживавшего во Франции. В книге ярко и убедительно анализируются его отношения с И.С. Тургеневым и А.А. Краевским, критика французской централизации (вполне в духе раннего, либерального Каткова-англомана), борьба с польской пропагандой, отражение в его письмах событий 1871 г. (с. 154–166). Характерно, что редакция либерального «Голоса» безжалостно вырезала из статей Щербаня выпады против французских республиканцев и их лидера Л. Гамбетта, после чего публицист окончательно связал свою судьбу с «Московскими ведомостями».

Западник и европеист П.К. Щебальский в 1860-е гг. одним из первых пытался сформулировать принципы русского государственного национализма. Это сближало его с Катковым, но их размышления развивались параллельно и независимо друг от друга, хотя печатался Щебальский именно в «Русском вестнике». Взгляды публициста на польский вопрос и панславизм в какой-то степени предвосхитили их интерпретацию Гиляровым-Платоновым и Достоевским. В старости Щебальский взял в свои руки «Варшавский дневник». Этому изданию, а также преемнику Щебальского – П.А. Кулаковскому Котов посвятил отдельные очерки, помещённые уже во второй части книги (с. 406–439, 440–463).

Долгое время эта газета являлась обычным провинциальным официозом. Щебальский пытался стать её редактором ещё в 1877 г. (вместо Н.В. Берга), но в итоге она попала в руки князя-идеалиста Н.Н. Голицына. Его статьи против нигилизма и привлечение к сотрудничеству К.Н. Леонтьева прославили доселе безвестный «Варшавский дневник». При этом в голицынский период (1879–1883) в ней преобладал примирительный тон в отношении поляков, вполне соответствовавший политике варшавских генерал-губернаторов гр. П.Е. Коцебу и особенно П.П. Альбединского. В 1884–1892 гг., при ге-

нерал-губернаторе И.В. Гурко и редакторстве Щебальского и Кулаковского, «Варшавский дневник» придерживался национализма в духе Каткова, хотя и с определённым панславистским привкусом. Впрочем, это не мешало его сотрудникам выражать сочувствие сербской Радикальной партии (боровшейся с проавстрийским правительством) — такова была тогда общая позиция почти всех русских консерваторов (с. 435–437). Котову удалось показать промежуточное положение Кулаковского между славянофилами и «Московскими ведомостями». Не случайно Платона Андреевича хвалил Киреев, также пытавшийся осуществить синтез идей Аксакова и Каткова¹⁵. Фактически Кулаковский пытался применять катковские рецепты к больше всего интересовавшим его польскому, сербскому и украинскому вопросам, отнюдь не желая политического объединения славян в одно государство (как не стремилось к нему и большинство поздних славянофилов).

Обширная глава рассказывает о забытом ныне М.Ф. Де-Пуле (с. 205–259), чья эволюция от осторожного провинциального либерализма к катковскому национализму рассмотрена Котовым во всех деталях. Будучи в конце 1866 — начале 1868 г. редактором «Виленского вестника», Де-Пуле призывал к форсированному распространению православия, скорейшей ассимиляции евреев и гражданско-политической русификации поляков. При этом его статьи были зачастую эклектичны и противоречивы: споря то с Катковым, то с Аксаковым, то с М.О. Кояловичем, он так и не смог предложить внятную программу обрусения Северо-Западного края. Неглубокой была и критика им нигилизма: предсказания Де-Пуле о том, что Н.А. Некрасов как поэт будет забыт, явно не сбылись.

В короткой главке о И.Ф. Ционе (с. 260–271) Котовым создан живой образ авантюриста международного масштаба, временно примкнувшего к катковскому лагерю. Но почему-то в ней в основном говорится о его взглядах конца XIX — начала XX в., тогда как публицистическая деятельность при жизни Каткова, включая имевшую резонанс полемику против нигилистов, осталась не рассмотренной.

В главе о С.С. Татищеве (с. 272–307), кардинально переработанной и расширенной вдвое по сравнению с очерком в «Птенцах гнезда Каткова», даётся любопытное сравнение двух «Алкивиадов» — Татищева и К.Н. Леонтьева (с. 296–303). Правда, значение поездки Татищева в Болгарию в 1889 г., вызвавшей бурю негодования в России, в монографии так и не раскрыто. Зато тут же полностью опубликована татищевская записка о способах влияния на печать и общественное мнение Франции в благоприятном для России смысле (с. 281–285) и изложены его рассуждения о рабочем вопросе — одна из первых систематических попыток русских консерваторов нащупать почву для противодействия революционерам на фабриках и заводах. Важны также свидетельства явного поправения дипломата-авантюриста в начале XX в. (с. 304–307).

Вторая часть книги Котова названа «“Партизаны” и эпигоны». Но поскольку «партизаном» (т.е. сторонником) Каткова себя называл именно Щебальский, очерк о котором находится в первой части, такое заглавие вызывает некоторое недоумение. Первым из «партизан» оказывается одесский профессор П.П. Цитович, звёздный час которого пробил в 1878 г., когда совершенно неожиданно его несущественная по содержанию полемика с А.С. Посниковым о крестьянской общине из-за вмешательства Н.К. Михайловского, «Вестника Европы», Ф.М. Достоевского и др. приобрела общероссийское звучание. Катков поспешил взять Цитовича под защиту от «нигилистов», хотя тот был либералом и отнюдь не принадлежал к его единомышленникам. Редактируя

¹⁵ Медоваров М.В. К истории взаимоотношений И.С. Аксакова и А.А. Киреева // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 42–48.

газету «Берег», созданную в 1880 г. по инициативе министра внутренних дел Л.С. Макова, Цитович пытался следовать в русле катковских идей, но в итоге оттолкнул от себя и Аксакова, и Леонтьева, и Суворина, и читающую публику. Непродолжительная история «Берега» закончилась скандалом, связанным с растратой средств, из которого Цитович сумел, однако, выйти невредимым. Он продолжал служить и прожил ещё треть века, но его последующая деятельность оставалась малоприметной. «В сущности, – констатирует Котов, – в “охранители” Цитовича толкнули личное самолюбие в сочетании с нетерпимостью и незрелостью тогдашней демократической журналистики» (с. 345).

Особняком стоит самая большая глава монографии, в которой Котов характеризует обстоятельства, предшествовавшие в 1863–1864 гг. основанию газеты «Киевлянин», полностью приводит программу данного издания и прослеживает его историю до конца XIX в. (с. 358–365). Обращаясь к польскому и еврейскому вопросам, рассуждая о «русском католицизме», создатель «Киевлянина» В.Я. Шульгин и его ведущий сотрудник М.В. Юзефович в конце 1860-х гг. практически солидаризировались с «Московскими ведомостями». Только в отличие от Каткова Шульгин (но не Юзефович) в 1870-е гг. отказывался воспринимать украинофильство как серьёзную угрозу (с. 377–387). Характерно, что на рубеже 1860–1870-х гг. «Киевлянину» пришлось немало пострадать за свои антипольские публикации от киевского генерал-губернатора кн. А.М. Дондукова-Корсакова. После смерти Шульгина в 1878 г. газета перешла к Д.И. Пихно, но особенности его редакторской практики в 1880-е гг. очерчены автором достаточно бегло.

Несомненно, что вышедшая тиражом 500 экземпляров монография А.Э. Котова, снабжённая прекрасной вклейкой с иллюстрациями, станет ценным подспорьем не только для историков, но и для всех интересующихся русской общественной мыслью XIX в. Конечно, эта книга является не завершающей, а промежуточной вехой на пути изучения консервативной журналистики пореформенного времени, и в ней вполне была бы уместна глава «О том, чего нет в этом разделе», как в монографии О.Л. Фетисенко¹⁶. Хотелось скорее прочесть расширенное и дополненное издание «Царского пути» с очерками о П.М. Леонтьеве, С.В. Флёрове (С. Васильеве), о ранней публицистике Циона и позднем этапе деятельности братьев Кулаковских, а также об А.Д. Пазухине, В.А. Грингмуте и др.